

В Диссертационный совет 02.1.007.01,
созданный на базе ФГБНУ
«Исследовательский центр частного права
им. С.С. Алексеева при Президенте РФ»

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию Анны Анатольевны
Маркеловой на тему «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ, МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ И ИХ
ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ», представленную на соискание ученой
степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 – Частно-
правовые (цивилистические) науки (юридические науки)**

1. Актуальность темы исследования

Тема диссертационного исследования А.А. Маркеловой посвящена крайне актуальной и интересной теме, в отношении которой наблюдается явная нехватка серьезных доктринальных исследований. Автор комплексно исследует все ключевые проблемы деликтной ответственности публичного образования, выявляя общие закономерности, теоретические основания и предлагая вполне разумные пути развития судебной практики.

2. Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Большинство тезисов, выносимых на защиту и выдвигаемых по ходу исследования, представляются обоснованными и достаточно аргументированными.

3. Достоверность и новизна исследования, полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Само исследование, выносимые на защиты выводы и предложения без каких-либо сомнений обладают научной новизной и достоверностью.

4. Общая оценка содержания диссертации, ее завершенности

Диссертация А.А. Маркеловой представляет собой самостоятельное, завершённое, логически выстроенное научное исследование. В рамках исследования автор использует обширный набор российских и зарубежных источников, обращается к материалам сравнительного права, литературе по моральной философии, методологии экономического анализа права. Диссертация разумно структурирована, а основные выводы и тезисы выглядят аргументированными.

Несмотря на общую положительную оценку работы, некоторые тезисы, выводы и аргументы могут быть предметом научной полемики.

(а) Так, автор отмечает, что должностное лицо, умышленно использующее служебные полномочия для достижения личных целей, может быть привлечено к солидарной ответственности с государством перед потерпевшим.

Но возникает вопрос о допустимости прямой деликтной ответственности должностного лица перед потерпевшим в случаях, когда речь шла об умышленном нарушении прав потерпевшего, но совершенном не ради достижения личных целей. Представим, что сотрудник полиции уличен в применении пыток к подозреваемому, повлекших тяжкий вред здоровью, или начальник СИЗО подстрекал отдельных содержащихся под стражей лиц на изнасилование потерпевшего в целях склонения его к даче признательных показаний. В подобных примерах речь идет не о преследовании личных целей, а о попытке достижения служебных задач с явным и умышленным нарушением прав потерпевшего. По логике Анны Анатольевны получается, что в таких ситуациях прямой иск потерпевшего к соответствующему преступнику должен быть отклонен, и ответственность должно нести исключительно публичное образование, которое затем может обратиться с регрессным иском к соответствующему чиновнику, так как здесь преступление не было совершено в «личных целях».

Но справедливость такого решения с точки зрения корректирующей и ретрибутивной справедливости сомнительна. Абсолютно неясно, почему преступник в таких ситуациях не может быть привлечен к прямой гражданской ответственности перед потерпевшим (например, в формате удовлетворения гражданского иска в уголовном процессе).

Представляется логичным допускать прямой иск к должностному лицу при любом умышленном деликте, как минимум если он повлек причинение вреда личности или имуществу, без оглядки на цели поведения должностного лица.

(б) Как считает Анна Анатольевна, если незаконное действие совершило должностное лицо, но нет ни его вины, ни организационной вины государства, то ответственность исключается, ибо эта ответственность основана на вине. Но является ли такое решение *de lege ferenda* оправданным? Не справедливее ли строить режим ответственности государства на началах безвиновной ответственности в тех случаях, когда вред причиняют объективно неправомерные действия или бездействие при осуществлении публичной власти? Иначе говоря, если установлена объективная неправомерность поведения соответствующих чиновников, разумно ли допускать освобождение государства от ответственности при доказанном отсутствии вины в нарушении (казусе)?

Как минимум, в тех случаях, когда государство совершает деликт при осуществлении властных функций в сфере ограничения личной свободы или вторжения в сферу имущественной автономности индивида такое решение может выглядеть как оправданное. Могут быть ситуации, когда личности или имуществу индивида причиняется вред в результате нарушения публичным образованием своих обязанностей, но само это нарушение произошло в силу случая. Например, пристав незаконно арестовывает в целях обращения взыскания имущество не должника, а третьего лица, причиняя тем самым последнему убытки, не имея оснований своевременно узнать о принадлежности данного имущества не должнику, а третьему лицу: вины пристава в такой ситуации нет, равно как может и не быть организационной вины государства в целом в организации отправления данной публичной функции. Другой пример: в результате перестрелки грабителей с сотрудниками правоохранительных органов был от рук одного из последних в результате рикошета ранен прохожий, вины сотрудника в причинении данного вреда здоровью прохожего может и не быть. Еще одна иллюстрация: проверяющий орган, полагаясь на экспертизу показателей загрязнения сточных вод, приостанавливает действие лицензии гостиницы на сброс канализационных стоков в реку, останавливая нормальное функционирование гостиницы, но впоследствии выясняется, что заключение оказалось ошибочным не в силу вины экспертной организации, а в силу неправомерных действий третьих лиц (например, конкурентов гостиницы, которые подменили материал для исследования).

Могут быть выдвинуты аргументы в пользу того, что власть, способная ограничить личную или экономическую свободу индивида и имеющая мандат на лишение человека жизни, здоровья, свободы, собственности и иные ограничения частной автономии, это полноценный источник повышенной опасности. В развитом государстве, в котором государство монополизирует насилие, публичная власть – самое опасное для индивидуальной и экономической свободы явление, источник колоссальных рисков для всех граждан, не менее опасное, чем автомобиль на дороге. Эти риски – неизбежная

цена, которую мы все платим за те блага, которые существование государства обеспечивает. Но ровно в той же степени мы миримся с легальностью осуществления иной деятельности, сопряженной с повышенными рисками для окружающих (движением на автомобилях, использованием охотничьего оружия, исследованиями в области вирусологии и т.п.). В последних примерах смирение с легальностью существования таких источников повышенной опасности сочетается с возложением на лиц, осуществляющих функционирование таких источников, ответственности за вред, причиненный материализацией соответствующих рисков независимо от вины. Почему же в сюжете с государством должно быть иначе? Особенно остро данный вопрос встает в тех случаях, когда в результате незаконных действий или бездействий государства причиняется вред личности или имуществу гражданина или частной организации.

Да, возмещение убытков осуществляется за счет казны, а значит за счет средств налогоплательщиков. Но есть основания думать, что, находясь за завесой неведения, граждане выбрали бы правила, в силу которых общие фонды будут выступать источником компенсации для тех из них, кто пострадал в результате допущенного чиновниками нарушения законности при отпращивании публичных функций независимо от того, можно ли вменить такое нарушение в вину самому чиновнику, либо государству в целом.

Впрочем, это даже не замечание, а элемент научной полемики.

(в) Остался за рамками исследования вопрос о том, во всех ли случаях природа ответственности государства носит деликтный характер. Анна Анатольевна как будто бы не ставит деликтную природу ответственности под сомнение. Но могут быть выдвинуты некоторые аргументы в пользу того, что, как минимум, в некоторых ситуациях между органами публичной власти и индивидуумом возникают настолько тесные и устойчивые правовые связи, при которых могут возникать основания говорить о возникновении из закона регулятивных внедоговорных обязательств (квази-контракт), и тогда ответственность в случае нарушений будет строиться по правилам Главы 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательства, а не по правилам Главы 59 ГК РФ о деликте.

Например, нельзя ли говорить о возникновении между приставами и должником, либо между администрацией колонии и осужденным обязательственных внедоговорных правоотношений, возникающих в силу закона?

Хотелось бы услышать на защите позицию Анны Анатольевны по данному вопросу. В своей диссертации она соглашается с позицией российских судов,

которые в подобных ситуациях избирательно применяют включенные в главу 25 ГК РФ правила ст. 403 о строгом вменении ответственности за виновные действия частных подрядчиков, а не более ограниченные правила вменения викарной ответственности, характерные для деликтного права (например, при хищении третьими лицами вещей должника, которые были изъяты у должника приставами и помещены на хранение некоему хранителю). Не есть ли это признак того, что и в целом здесь корректно говорить о возникновении у приставов обязательства обеспечить сохранность арестованного имущества должника?

Или представим, что помещенный в СИЗО обвиняемый отравился по вине частной компании, которая отвечала за снабжение обвиняемых питанием. Если имплицировать здесь законное обязательство администрации изолятора обеспечить надлежащее питание, то при доставке испорченного питания налицо не деликт администрации в отношении обвиняемого, а нарушение такого внедоговорного законного обязательства, а возмещение убытков будет строиться по правилам главы 25 ГК РФ, и именно поэтому публичное образование будет отвечать перед потерпевшим за привлекаемого подрядчика по правилам ст. 403 ГК РФ.

Тот же результат может быть достигнут за счет применения ст. 403 ГК РФ по аналогии закона без перевода самого режима ответственности из деликтной в ответственность за нарушение обязательства. Так что вопрос носит дискуссионный характер. Но хотелось бы увидеть на страницах данной диссертации разбор этой проблематики.

5. Мнение о научной работе соискателя в целом

В целом, несмотря на некоторые вышеобозначенные замечания, преимущественно носящие полемический характер, данное диссертационное исследование заслуживает самой высокой оценки.

6. Заключение о соответствии диссертации применяемым требованиям

По результатам прочтения диссертации А.А. Маркеловой я прихожу к уверенному суждению о том, что данная работа представляет собой самостоятельное, комплексное, внутренне согласованное исследование, соответствующее всем предъявляемым к кандидатским диссертациям требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. На мой взгляд, диссертация может быть допущена к

защите на заседании диссертационного совета, а ее автор без каких-либо сомнений заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 - «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Карапетов Артем Георгиевич, д.ю.н. (специальность: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право, семейное право, международное частное право), директор Юридического института «М-Логос»,

Почтовый адрес: 119049, Москва, Ленинский проспект, 2А, 502-503

Телефон/факс: +7 495 771 59 27

Электронная почта: postmaster@m-logos.ru

27 февраля 2023 года

Подпись заверена по месту работы заместителем директора Юридического института «М-Логос» Е.А. Кудактиной _____